

Литература и жизнь

I. О литературе

Товарищи! Я намеренно не буду излагать здесь полное содержание доклада Горького, Бухарина, Радека, Кирпичникова, Ал. Толстого, Погодина: доклады эти были опубликованы в печати и вы, очевидно, с ними знакомы. Да и невозможно было бы этого сделать, ибо с'езд длился несколько дней, а мне предоставлено всего полтора часа. Я думаю, будет лучше, если я остановлюсь на трех основных вопросах, которые волновали с'езд и которые на сегодня являются злободневными.

Но прежде, чем говорить по этим вопросам, нам следует установить, что-ж из себя представляет литература. Литература в основном бывает и есть двух сортов. Первая — легкочувственная, заманчивая, развращающая читателя, так называемая бульварная литература. Такая литература сильно распространена на Западе, в буржуазных государствах. Там она нужна, там на нее великий спрос. Есть другая литература, литература серьезная, литература, которая стремится так или иначе, в соответствии с убеждениями автора, изменить мир. Писатели такого сорта литературы не просто пишут стишки, повести романы, пишут не ради препровождения времени. Они через свое творчество хотят и влияют на многомиллионные массы, зовут их к великому грядущему. Возьмите для примера творчество Пушкина. Пушкин не просто писал стишки. Он стремился, в связи с его собственным убеждением, изменить мир. И за то, что он критиковал современник ему строй, бичевал подхалимов, подлецов всех мастей, царское правительство его сослало, а верхушка общества открыла против него травлю и фактически убила Пушкина. Следом за Пушкиным был выслан на Кавказ талантливый поэт Лермонтов. Выслан — и тоже убит. Не случайно также обрушивался мир и на таких знаменитых писателей, как Байрон, Золя, Горький, Серафимович, Гейне, Гете, Толстой, ибо и эти писатели писали не ради шуток, а давали такие произведения, которые являлись знаменем борьбы.

Вам, например, известна трагедия такого гениального писателя как Гоголь. Иные чудачи объясняют эту трагедию тем, что, дескать, Гоголь был религиозен, несчастен в семейной жизни и т. д. Все это играло, конечно, некую роль, но суть заключается в другом. Гоголь по своим политическим убеждениям был дрянный монархист, а написал такие произведения („Ревизор“, „Мертвые души“), которые под корень валели царский трон. Когда он выпустил в свет эти произведения, на него обрушилась верхушка того общества, обвиняя его в том, что он своими произведениями рушит устои, рушит царский режим. Гоголь ответил, что он этого вовсе не хотел делать, что он, выражаясь нашим языком, хотел только посамокритиковаться, вот, дескать, — подождите, я напишу такое произведение, которое целиком будет говорить в защиту основ царского режима. И начал писать вторую часть „Мертвых душ“, в которой решил вывести хороших людей страны. И тут — трагедия. Гоголь хотел дать хороших людей, но в том обществе, которое он описывал хороших людей не было... и Гоголь политик начал врать Гоголю художнику, Гоголь художник восстал против Гоголя политика и опрокинул его. В этом была трагедия Гоголя. Да и не одного Гоголя.

Тов. Сталин хорошо понимает душу художника, поэту, когда он узнал, о заумных творческих лозунгах бывшего РАППа, он посоветовал снять их и сказать писателям просто: — Пишите о жизни, дайте правду жизни. Если вы смело, честно отобразите в своих художественных произведениях правду жизни, вы придете к марксизму.

Мудрость тов. Сталина, помимо всего прочего, заключается еще и в том, что он прекрасно понимает значение литературы, ее огромное влияние на массы, — вот почему он всегда так бережно относился и относится к нашему литературному фронту.

Указания тов. Сталина совершили переворот в литературном мире. После этих указаний были выработаны ясные, доступные творческие лозунги, мобилирующие писателя на творчество и борьбу. Для писателей была создана наилучшая обстановка. Писатели тесно соприкоснулись с жизнью и жизнью богато одарили их красками. Халтурщики были изгнаны из рядов писателей.

Вот с таким обновленным и накопленным опытом писатели и пришли к с'езду, чтобы тут на с'езде поставить коренные вопросы, которые волнуют писателей так же, как они волнуют и наших читателей — творцов нашей прекрасной действительности.

II. О теме

Наши писатели — советские писатели — тоже не просто пишут стишки, романы и повести. Они поставили перед собой одну из главнейших задач — в меру своих сил своим творчеством помогать рабочему классу отыскивать наилучшие способы борьбы за социализм. А для этого в первую очередь с'уметь сказать правду жизни. Иные чудачи

ДОКЛАД т. Ф. И. ПАНФЕРОВА НА СОБРАНИИ КУРСКОГО ПАРТАКТИВА 3 НОЯБРЯ 1934 г.

считают, что такая постановка слишком упрощена. Дескать, фантазировать куда труднее. Все это чепуха. Разрешите мне это иллюстрировать маленьким примером, о котором я говорил на последнем партийном с'езде. Как-то нам в журнал „Октябрь“ один крупный писатель принес рассказ о коммуне. Рассказ был написан хорошо. Но нас навело на подозрение восхищение автора тем, что в коммуне коммуны ликвидировали свои фамилии. Коммуна именовалась так: „Пролетарская воля“. Коммуны назывались так: Мария Пролетарская воля, Иван Пролетарская воля, Григорий Пролетарская воля и т. д. Мы убеждали автора выкинуть это место. Он сопротивлялся. Тогда мы с ним вместе поехали в комму-ну.

Первое, что бросилось нам в глаза — это плакат, висевший над правлением коммуны, гласящий: „Подгонка рублем — позор для коммунар“. Плакат как будто очень революционный. В самом деле, разве можно коммунара в работе подгонять рублем? Какой позор! Но вот коммунары повели нас осматривать хозяйство. Привели нас к скотному двору. На скотном дворе над каждой коровой прибита дощечка, примерно с такими надписями: „Зоря“, „Плама“, „Роза Люксембург“, „Тоже как будто хорошо и революционно, даже корову назвали „Роза Люксембург“ (смех). Однако, когда мы вникли в дело, то увидели, что корова „Роза Люксембург“, как и другие спит на камнях, в грязи, вымя у нее болтает, а молока она, по выражению одной доярки, дает с чирышек, то есть стакан (смех). Как видите, сразу опроверждаются эти „революционные“ названия коров.

Затем коммунары со смехом заявили нам:

— А теперь пойдете посмотрим нашу гидру.

Подобравшись к огромному каменному зданию, покрытому железом. Около здания были разбросаны, наворочены части машин, ящиков, это и есть „гидра“. История ее такова:

— В 1924 году, — рассказывал нам коммунар — у нас был заядлый председатель коммуны. Он, вычитав у Ленина, что „электрификация, плюс советская власть — есть коммунизм“, собрал нас и сказал:

— Какой же у нас, товарищи, коммунизм, когда нет электрификации? В самом деле, подумали мы, какой же коммунизм, когда нет электрификации? — решили своими силами построить гидростанцию. Достали кредит, машин, сбили на такое дело два соседних села, провели столбы, повесили лампочку Ильича, построили станцию... Проработала она с весны две недели. А когда пересохла речка... станция остановилась. Что делать? Года два так простояла станция... А потом кто-то подбросил мысль, что в этом здании надо открыть маслобойный завод. Решено — сделано. Выкинули машины, поставили новые, открыли завод. Приехала комиссия и запретила нам бить масло, заявляя, что „в жмыхе у нас масла остается больше, чем есть его в семечках“. Ну, опять мы развели руками. А когда кампания пошла за кролика, мы решили в этом здании построить крольчатник. Выкинули все машины, поставили клеток. Но, опять приехала комиссия и сказала — тут кролику не место — сыро, вода, а кролик чихает. И запретила. Думали мы думали, выкинули клетки и организовывали красный уголок. Вот она какая наша гидра.

Рассказывают и смеются, несмотря на то, что эта „гидра“ в'ехала им в тридцать тысяч рублей.

Мы тут же обратились к одному пожилому коммунару, говоря:

— Ну молодежь смеется, так и быть. А ты вот что смеешься? Если у тебя ветром разобьет в комнате окно, ты будешь смеяться?

— Нет, не буду: там за стекло то копеечку надо гнать.

— А тут что ж ты?

— Да тут что ж... я им говорил против, а они на меня — это слыш у тебя правая оппортунизма (смех).

Так вот, писателю надо дать правду жизни, иначе над ним будет смеяться читатель и столбится и книга его никого не заразит. Но и этого еще мало. Надо взять и такие вопросы, которыми волнуются миллионы, взять такую тему, которая есть в нашей действительности, которая противостояла бы всему тому, что писалось до сих пор. А наша жизнь, наши темы они в действительности противостоят всему тому, что писалось до сих пор.

Возьмите такую тему, как любовь... Есть люди, они пришли к нам из другого класса, поняли головой, что надо жить и работать с рабочим классом. Но они еще многого не понимают, не знают душу творцов социалистической действительности... и судят о жизни этих творцов главным образом по книгам. Вот, например, читают они программу коммунистической партии и видят, что там о любви ни слова... значит тут есть какая-то загвоздка. Читают доклады товарища Сталина и там о любви ни слова... значит и тут — мотай себе наус... Смотрят и в „Правде“ ни слова о любви... „Эге“, — заключают они, — значит большевики не любят, значит любовь это мелкобуржуазное чувство (смех). А тут вдруг писатель пишет о том, как колхозник, допустим, ласкает колхозницу. Тогда такой читатель выступает и робко начинает говорить: — Товарищи! Что же это такое? Колхозник ласкает колхозницу... Это совсем не то... Уж он если и должен ласкать... то... ну хотя бы трактор (смех).

А мы, ведь, товарищи, любим, хорошо, по-настоящему любим и вовсе не считаем это чувство мелкобуржуазным, а, наоборот, думаем, что мы заводы строим не ради заводов, колхозы строим не ради колхозов только, а для того, чтобы создать в обществе такую материальную базу, которая уничтожила бы классы, которая дала бы возможность впервые в истории человечества жить человеку так, как он никогда не жил, жить материально и духовно и, стало быть, любить — любить крепко, радостно, часто, без обманов, клеветы и подлости.

Так вот, возьмем наш писатель за тему о любви. Как он ее даст? Во-первых, он оглянется на прошлые литературы. Есть в литературном мире такие чудачи, которые высчитали, что форм любви существует во всей мировой литературе восемнадцать. Например, он ее любит, она его не любит (смех). Она его любит, он ее не любит. Она любит его, а он любит другую и так далее. Представьте себе, что наш писатель взял какую-либо из этих форм, или подновленную такую: он любит ее и еще семь ее (смех) и начал бы списывать содержание у какого-либо классика... Между прочим, у нас есть немало таких чудачков, которые все время только и знают, что расхваливают классиков и кажутся даже весьма культурными людьми. А ведь это самое легкое дело — вышел на трибуну и расхваливай Пушкина, Лермонтова, Толстого, Горького и т. д. Конечно, было бы в высшей степени глупо, выбрасывать за борт классиков. Классики — это вершина, да которой нам, молодым писателям, надо еще шагать и шагать. Но нельзя же целиком ходить под классиками, у них только и брать примеры. Ведь „наверное, при Пушкине советской власти не было“ (смех) стало быть в жизни что-то произошло.

Ну вот, возьмем наш писатель одну из классических, подновленных форм любви „он любит ее и еще семь ее“, затем начнет списать, копировать „Евгения Онегина“ Пушкина. В этом произведении молодой, способный человек Евгений Онегин встречает де-

вушку Татьяну. Она любит его. Пишет ему. Он гордо отвечает, что он не питает к ней подобного чувства, но, как благородный человек, предупреждает ее, чтобы она была поосторожней. Затем через несколько лет они снова встречаются на балу. Татьяна уже замужем. Онегин вдруг почувствовал, что он влюблен в Татьяну... да и она любит его... Но... она отвечает ему: „Я другому отдана и буду век ему верна“.

Представьте себе, современный писатель будет описывать, ну допустим секретаря Обкома — передового человека страны. Несколько лет тому назад он встретил члена партии Татьяну. Она была в него влюблена, а он, как Евгений Онегин, отверг ее любовь. Затем они снова встретились через несколько лет. Так что ж? Она так и ответит ему: „Я другому отдана и буду век ему верна“? Она просто уйдет от него к нему, если нет сложнейших препятствий, и они будут жить.

Так видите, если взять тему о любви, то и ее надо писать не так, как она была описана у классиков, ибо другие времена, другие нравы, другое содержание. Но времена Пушкина было вполне закономерно, вполне неизбежно именно такой ответ, какой дала Татьяна Евгению Онегину.

Но рядом с темой о любви, немедленно всплывает и вопрос о браке. Вы прекрасно знаете, как был брак в былые времена в деревне. Два отца уже заранее договаривались поженивать своих детей... И если, допустим, жених Гриша говорил, что он хочет взять себе в жены Машу, то отец ему обычно отвечал, что она — Маша — ко двору не подходит, а вон Грунька — хотя она и косоглазая, рябая, но ведь с лица то не воду пить — подходит ко двору, потому что у нее три сундука. В браке на первом плане была вещь, деньги, целковый, а на счет любви говорили так: „Сживутся слюбяты“. Так женихались в деревнях, а выше все это было еще чище. Тут уж женились фабрики на заводах, заводы на имениях и т. д. Ведь это только попы утверждали, что брак священное дело, а ведь по сути дела — брак это был торг, вроде черной биржи.

Сами посудите, если наш писатель заклятит брак таким же, какой он был, как он описан у классиков, то из этого ничего не выйдет, ибо у нас уже на этих началах начинают сходиться люди, у нас уже на первом месте любовь, а не деньги.

Как видите и эта тема выглядит по-новому.

Но если писатель коснется вопроса брака, то тут же немедленно он принужден будет затронуть и вопросы семьи. Семья, как ячейка, в былые времена создавалась по тому, что без такой семьи не могло бы существовать старое общество, — без семьи, где женщина обязательно — раба. И такая семья, как капиталистическая ячейка, у нас разваливается, создаются новые очаги — очаги социалистической семьи, где все равны, создаются новые отношения между мужем и женой... и тут происходит немало драм. Стало быть и этот вопрос ставится по-новому... и если бы писатель вздумалось в своем произведении доказывать и убеждать читателя в том, что старая семья священна, над ним просто бы посмеялись.

А, взяв тему о семье, писатель немедленно же столкнется с вопросом женского равноправия.

Вы знаете, товарищи, что по вопросу женского равноправия не один, а сотни раз билась люди: на эту тему исписаны вагоны бумаги, на этом вопросе не один умнейший человек буржуазного общества сломал себе шею, ибо никто из них настоящих путей не видел... больше, находились даже такие мракосеи, как психолог профессор Вейнингер. Он в 1902 году написал книгу „Пол и характер“, в которой доказывал, что женщина по природе своей ниже мужчины и поэтому ее удел — тряпки, кухня, и постельная принадлежность. Верно сам профессор вскоре застрелился, но книга его обошла весь мир и превратилась в настольную книгу буржуа.

Много тут было споров, драк, трагедий, и никто не мог правильно разрешить этого вопроса. А у нас вот доподлинные, реальные пути освобождения женщины можно проследить и видеть на рядовой колхознице. Мы создали такие производственные условия, в которых женщина обязательно свободна, т. е. она имеет полную возможность материально содержать себя и независима от „хозяйна дома“. Мы женщине дали полную политическую свободу. Верно, в быту у нас еще иногда „муж командует“. Но и эти пути рвутся. Рвутся они не только потому, что люди стали образованными, культурными, а еще и потому, что таковы создались производственные отношения, потому что у нас все направлено на раскрепощение женщины.

Так вот, товарищи, если взять эту тему, значит — разрешить мировую проблему, значит показать — вот какие настоящие, реальные пути освобождения женщины.

Вы вот все — участники колхозного движения, прекрасно знаете, что в первые дни колхозного строительства самые консервативной частью деревни была женщина. Вы прекрасно по-

мните, как в былые времена мужики стояли у заборов и чесались, а женщины орудовали. Мужики же говорили: „Это не мы, это вон бабы. Чего с ними с косматыми поделаешь... ведь вы сами им равенство дали.“

А теперь самые революционные элементы в колхозах женщины. Почему? Потому, что они впервые за свою жизнь свободно вздохнули в колхозах, потому, что тут они самостоятельно встали на ноги, почувствовали, что они действительно свободные граждане нашей страны.

Так вот, товарищи, взять эту тему — любовь, брак, семья, женская доля — значит не просто написать книжечку, а написать такое произведение, в котором показать, что у нас не просто строятся колхозы, не просто строятся заводы, а строятся они для того, чтобы создать нового человека, что новый человек создается, у нас в стране разрешаются мировые проблемы, над которыми человечество билось не одну сотню лет. И если сидеть и подражать только классикам — ничего из этого не выйдет. Мы можем и должны учиться у классиков техники, приемам, но содержание для наших книг мы должны брать у Пушкина, а у рядового колхозника, у передового ударника, у нашей могучей партии, рабочего класса, то-есть у жизни. А чтобы познать нашу жизнь, надо подняться на очень высокую ступень культуры.

Теперь возьмите нашу Красную армию, нашу молодежь, наших детей, наши новые заводы.

Вы всюду увидите, что тут разрезаются огромнейшие вопросы, тут воплощаются мечты тех, кто погиб на эшафотах, кто сгнил в тюрьмах, погиб на виселице, на баррикадах. И нужно писать не только о том, как на пустырях, в мороз и холод, топором и лопатой бывшие лапотники воздвигли гигант, а и о том, как они, вместе с постройкой завода, вывели из из своих душ эшелоны грязи, стали другими людьми, передовыми людьми мира. И если, допустим, писатель пишет о колхозе, он должен не просто описать колхоз, а показать, как целые партии сломали себе шею на аграрном вопросе, а у нас вот в стране разрешена огромная, мировая проблема — мы ее разрешили на практике и превратили крестьянина-одиночку в человека свободной страны.

Видите, всюду мировые вопросы, всюду не просто темки, не просто интересные куски жизни, а всюду новь, впервые в истории поднятая партией большевиков.

Вот почему этот вопрос о теме встал, как один из крупных вопросов, на с'езде.

И в этом отношении вы — наши читатели — можете оказать нам огромную помощь. Обычно, когда писатель приезжает на завод, его начинают водить из цеха в цех, показывают ему станки. А надо показывать людей. Обычно, когда приезжает писатель в колхоз, ему показывают свинарника, а надо показывать людей. Показывайте людей, рассказывайте о себе, рассказывайте правду.

III. О языке

На с'езде стоял еще один важнейший вопрос о технике, языке, главным образом.

Вам известно, что язык всегда изменялся, изменяется. Лет сорок тому назад люди говорили одним языком, теперь они говорят другим, если бы даже не происходило потрясающих исторических сдвигов. А у нас ведь произошло Октябрьская революция. Она сорвала людей, перемешала их, тех, кто был прижат, придушен внизу, вскинула наверх, а сверху шантрапу сбросила в помойку. Нарушила господствующий язык — язык адвокатов, керенских, — язык вежливы, мягкий, без задиранок, но пошлый, воровской в полном смысле этого слова. На сцену вышел язык революции, язык, который складывался и складывается из лучшей части языка крестьян, рабочих и их доподлинных революционных вождей.

Этот язык надо изучать писателю и дать в литературе.

И вот тут-то очень многое напутали напутали путаники литературные вообще, или, как их называл А. М. Горький, „двоедушники“, напутали и те из читателей, которые всегда кичатся своей культурой, а в самом деле ничего не читают, ничего не знают.

Одни из этих путаников имеют даже свои „принципиальные позиции“. Они берут слово на звучание. Как оно звучит? Если хорошо, значит слово подходящее. Так, например, один из профессоров писал, что по звучанию слово „смычка“ его раздражает. Мы ему ответили, ну и пусть тебя раздражает. Для нас же это слово является знаменем борьбы. Другой утверждал, что слово „ударник“ тоже звучит нехорошо. „Ударник — ударить — кто за кем ударит, — она за ним ударит — он за ней ударит?“ Мы ему ответили, что это слово для нас священо, его носят на себе передовые

(Окончание доклада т. Панферова на 4 стр.)